

Старший научный сотрудник
исторического отдела
Псковского музея-заповедника
Сафронова М.Н.

Псковская губерния. №29 (551), 27 июня – 9 июля 2011

URL: http://gubernia.media/number_551/06.php

Псковлаг

До тех пор, пока погибшие в концентрационных лагерях в Пскове в период оккупации не будут найдены и достойно перезахоронены, город будет оставаться братским кладбищем неизвестных.



Открытие мемориала на месте концлагеря в Крестах. 1964 год. На четырехметровой стеле надпись: «Здесь, в фашистском лагере, были замучены и погибли советские воины, 65 тысяч. Преклони колено перед тем, кто никогда не преклонялся перед врагом. 1941-

1944». Автор памятника Эльза Штольцер. Фото из архива Псковского государственного музея-заповедника.

Военнопленные в оккупированном фашистами Пскове появились, как только Псков стал тыловым районом группы армий «Север», точнее, его центром, то есть уже в 1941 году. Создание концентрационных лагерей для советских военнопленных являлось составной частью нацистской «расовой теории»: уничтожение советских военнопленных – это уничтожение «недочеловеков».

Вопрос об отношении к военнопленным стал частью мировой правовой повестки дня еще в 1899 году, когда по инициативе России была созвана Первая Гаагская конференция, на которой была впервые принята конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны». На конференции председательствовал русский посол в Лондоне барон Георг Фридрих Карл фон Сталь [1].

В 1907 году на Второй Гаагской конференции эта конвенция была принята в новой редакции. Мир шёл к Первой Мировой войне, это понимали все руководители мировых держав, и вопрос о пленных был вопросом о судьбе миллионов. В этой редакции была предпринята попытка регулирования прав и обязанностей военнопленных.

«Военнопленные имеют право на уважение их личности и чести»

После кровавых итогов Первой Мировой пострадавшие страны обобщили ее опыт в открытой для ратификации в 1929 году Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными», содержащей в себе запрет не только на жестокое обращение, оскорбления и угрозы, но и на применение мер принуждения для получения от военнопленных сведений военного характера.

В конвенции, в частности, говорилось: «Военнопленные находятся во власти неприятельской державы, но отнюдь не отдельной воинской части, взявшей их в плен. С ними надо постоянно обходиться гуманно, в особенности защищая от насилия, оскорблений и любопытства толпы. Меры репрессий в отношении их воспрещаются».

Военнопленные имеют право на уважение их личности и чести. Женщины пользуются правом на обхождение во всем соответствии их полу. Пленные сохраняют свою полную гражданскую правоспособность.

Держава, взявшая военнопленных, обязана заботиться об их содержании».

В соответствии с Женевской конвенцией для пленных допускалось предельное наказание в виде 30 суток ареста, а ограничения в еде допускались лишь в том случае, если это позволяло состояние здоровья военнопленного. Не допускалось никаких тюрем, никаких расстрелов по этническому признаку. Гарантировался доступ представителей Красного Креста в лагеря.

Главный камень преткновения при вопросе о ратификации Конвенции в СССР состоял в том, что в тексте Конвенции гарантировался доступ в лагеря военнопленных представителей Красного Креста. Каждому из подписавших ее государств гарантировалось право через Международный Комитет Красного Креста (МККК) оказывать гуманитарную помощь своим военнослужащим, попавшим в плен.

Между тем мнение о том, что воину Красной Армии лучше погибнуть, чем оказаться во вражеском плену, было к тому времени уже закреплено в советском законодательстве. «Положением о воинских преступлениях», утвержденным в 1927 году, устанавливалось равенство понятий «сдача в плен» и «добровольный переход на сторону противника», который карался расстрелом с конфискацией имущества.



Один из концлагерей для советских военнопленных был организован на территории машинно-тракторной мастерской на восточной окраине Пскова в Крестах. Немецкая аэрофотосъемка, 1943 г.

Безусловно, конвенция была своего рода «декларацией приличия», многие из 47 подписавших ее государств не были намерены ее соблюдать в полном объеме, в частности, Германия.

Причем исключением для Германии были в первую очередь советские военнопленные.

И дело было не только в том, что СССР отказался присоединиться к Женевской конвенции, утвердив при этом 19 марта 1931 г. решениями ЦИК и СНК СССР «Положение о военнопленных» [2], а в том, что главной целью военных действий Германии на территории СССР было не просто ее освоение, а уничтожение большей части населения, причем любыми способами и методами.

Вне законов и обычаев сухопутной войны

С началом войны стало ясно, что истребление не только пленных, но и мирного населения принимает все более ужасающие масштабы. Пытаясь исправить положение, 27 июня 1941 года нарком иностранных дел Вячеслав Молотов телеграфировал председателю МККК о готовности Советского Союза осуществить обмен списками военнопленных и возможности пересмотра отношения к Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны».

Вопрос о присоединении к Женевской конвенции 1929 года советское правительство вынесло за скобки, в тоже время утвердило постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 года «Положение о военнопленных», основанное именно на этой конвенции и содержащее документальное подтверждение заявления о соблюдении международно-правовых норм ведения войны.

В дополнение к нему были выпущены приказы НКВД СССР «О порядке содержания и учета военнопленных в лагерях НКВД» от 7 августа 1941 года и «О состоянии лагерей военнопленных» от 15 августа 1941 года.

Система лагерей для военнопленных была чрезвычайно мощной и разветвленной на всей оккупированной территории.

Всего нацистской Германией на территории разных стран было создано около 14 тысяч концлагерей.

Лагеря для военнопленных делились на 5 категорий:

- сборные пункты (размещались вблизи линии фронта, находились в подчинении охранных дивизий, представляли собой территорию, огороженную колючей проволокой). В этих лагерях была крайне высокая смертность, т.к. пленных не кормили, медицинская помощь не оказывалась. Здесь шла сортировка пленных – отбирали тех, кто заведомо подлежал уничтожению. Выжившие перевозились в «дулаги»;

- пересыльные лагеря - «дулаги». Находились вблизи железных дорог. Из «дулагов» пленных направляли в основные лагеря – рядовой и сержантский

состав в «шталаги», офицерский состав в «офлаг». По мере продвижения войск вермахта на восток «дулаг» превращались в «шталаги»;

- «шталаги», «офлаг» - лагеря, расположенные в глубоком тылу, с большим количеством пленных (10-30 тыс.), размещались в приспособленных зданиях, складских помещениях, сараях, конюшнях;

- основные рабочие лагеря (находились в подчинении «шталагов», были рассчитаны на несколько тысяч узников);

- малые рабочие лагеря (были приписаны к основным рабочим лагерям, в них находилось от нескольких десятков до нескольких сотен пленных).

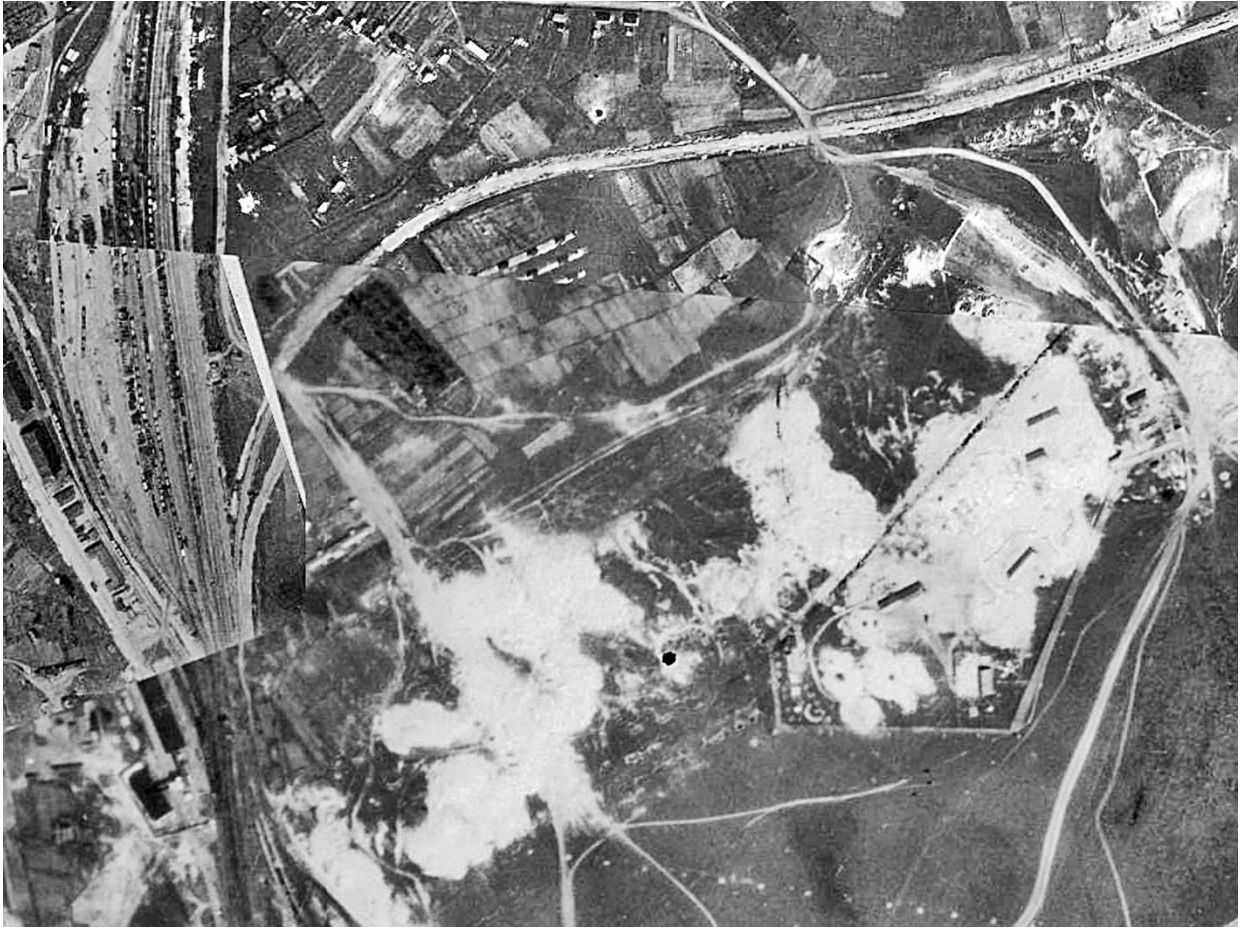
Сборные и пересыльные лагеря для военнопленных находились в ведении германского Верховного командования сухопутных сил (ОКХ), основные – в подчинении Верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ).

Уже в первые 6-8 месяцев войны в немецком плену умерли десятки тысяч советских военнопленных. В начале войны пленных, как правило, не вывозили на территорию Германии, а оставляли на оккупированной территории СССР.

8 августа 1941 года Управление по делам военнопленных ОКВ выпустило новые правила обращения с советскими военнопленными, ужесточившие и без того тяжелые условия жизни пленных во всех типах лагерей.

Приказом по ОКХ от 8 октября 1941 года были определены продовольственные нормы для военнопленных: на 28 дней хлеб – 9 кг, мясо – 800 г, жиры – 250 г, сахар – 900 г. Причем соблюдение этих норм зависело от места нахождения лагеря, возможностей и желания немецкого командования.

Жесточайшие условия содержания в лагерях для советских военнопленных не менялись до конца войны, даже после 1943 года, когда гитлеровское руководство озаботилось нехваткой рабочих рук в третьем рейхе.



В июле 1941 года концентрационный лагерь для военнопленных был оборудован на юго-восточной окраине Пскова в урочище Пески. Немецкая аэрофотосъемка, 1943 г.

К осени 1941 года в тыловом районе группы армий «Север» находилось во всех типах лагерей 35 тысяч советских пленных.

Численность военнопленных возрастала по мере продвижения частей группировки к Ленинграду и Новгороду. Из-под Старой Руссы, Демянска, Полы, Тихвина прибывали все новые и новые эшелоны с военнопленными. На март 1942 года на территории группы армий «Север» размещалось 12 «шталагов» и 5 «дулагов».

Военнопленными на территории тылового района группы армий «Север» ведал оберквартирмейстер группы армий «Север». Летом 1941 года это был майор Топе. С июля 1942 года по июнь 1944 года вопросы лагерей находились в ведении генерал-майора Вальтера Дробнига. В его ведении находились в разное время от 14 до 16 лагерей разной категории.

«72327 военнопленных»

Одним из самых крупных лагерей тыла северной группировки был «Шталаг-372» в Пскове.

«Шталаг-372» действовал с осени 1941 года по декабрь 1943 года.

Место расположения лагеря – на западной окраине Пскова, на территории военного городка, вдоль дороги от Омских казарм к Рижскому шоссе. Площадь лагеря для военнопленных составляла примерно 700 на 1300 м, была огорожена колючей проволокой.

Для размещения пленных на территории лагеря были использованы 30 конюшен (84 на 23 м каждая) бывшего Омского пехотного полка, где во второй половине 1930-х годов размещался 5-й кавалерийский корпус, которым в 1938-37 гг. командовал К. К. Рокоссовский. В каждой конюшне были устроены нары в три яруса, печные топки замурованы, пол остался земляным. В каждой конюшне, по показаниям свидетелей, находились около 2 тысяч человек.

В лагере был страшный голод. Норма хлеба на день составляла 75-100 г. Пленные умирали в первую очередь от истощения, что подтвердили результаты эксгумации на территории лагеря после окончания военных действий.

Эшелоны с советскими военнопленными ставились «вымораживаться» на путях между станциями Псков-1 и Псков-2. На фото: центральная часть псковского железнодорожного узла. Немецкая аэрофотосъемка, 1943 г.

Смертность составляла, по свидетельству псковички П. А. Малышевой, прожившей рядом с лагерем всю оккупацию, в среднем 50-60 человек в день из каждого барака. Таким образом, смертность по всему лагерю в день доходила до 2,5 тысяч человек. Хоронили погибших в «Шталаге-372» на Мироносицком кладбище и на территории самого лагеря.

В этом лагере для военнопленных был барак для гражданского населения. В нем работал эстонский конвой. Кормили заключенных два раза в день: завтрак – кружка воды и 75 г хлеба, обед – баланда (показания жителя П. В. Уляшова, 1912 г. р., из дер. Портянниково).

Режим голода в отношении военнопленных сочетался с изнурительным непосильным трудом по разборке завалов, на ремонте дорог, мостов, строительстве оборонительных сооружений.

Существовала практика обмена пленных на гражданское население. Так, в марте 1943 года в Остров в распоряжение 98-го строительного батальона немецких войск из «Шталага-372» на основании телеграммы оберквартирмейстера группы армий «Север» были направлены 500 военнопленных в обмен на евреев, направленных из Острова в «Шталаг-372».

При обследовании ЧГК помещений конюшен (часть из них к моменту освобождения Пскова сгорели) на стенах были обнаружены надписи:

- в конюшне № 1 (карцер): «Чадов Аркадий Петрович. Г. Кушка Свердловской области, улица Ленина, д. 173. Посажен за побег 20 августа 1943 года», «Нагуманов Анатолий страдал в плену», «Корниенко Иван, УССР, г. Днепропетровск», «Бакин Николай – Красноярский край, с. Каратуз, ул. Партизанская № 93», «72327 военнопленных».

- в конюшне № 2 (размер 18 x 15 м): «Здесь жили 700 военнопленных».

- в конюшне № 3: «Ахметов Сыадин, 1912 г.р., Казахская ССР, Яны–Курганский район, попал в плен 1943 год 1 ноября», «Катороднов Василий Иванович, в плен 23 августа...», «Нишанов Вайшимжан. Киргизия. Средняя Азия, 1893 г. р. 25 октября. В плен 2 октября 1943 года».

Из всех имен со стен конюшен в объединенной базе данных архива Министерства обороны РФ удалось найти одного человека – А. П. Чадова, 1923 года рождения, призванного в 1942 году в Ромодановском районе Мордовии, гвардии старшего сержанта 983-го стрелкового полка 253-й стрелковой дивизии 11-й армии, попавшего в плен 23 января 1943 года под Демянском (Новгородская область). Он выжил в этом концлагере, о чем свидетельствует донесение управления советской 69-й армии об освобождении его из плена.

«Люди массаами гибли от истощения»

В республиках, краях, областях, городах создавались местные аналогичные комиссии. По итогам работы ЧГК в освобожденных районах издавались брошюры, тираж которых доходил до 30 тыс. экз. ЧГК была расформирована в конце 1945 года.

В Псковской области комиссия работала без малого два года. Были выявлены места расположения концентрационных лагерей, места массовых захоронений, проведена частичная эксгумация обнаруженных останков, собраны показания свидетелей, определено число погибших в плену.

В расследовании и составлении актов в целом по Псковской области участвовали, по официальным данным, 43 260 человек. До сих пор работа ЧГК того времени – единственное комплексное (но далеко не полное) исследование территорий псковских концлагерей.

В Пскове ЧГК были расследованы условия содержания военнопленных в лагере «Шталаг-372» (позднее на его месте располагался «Дулаг-376»), лагерях военнопленных в Крестах, Песках, т. н. «лазарете» в районе нынешней областной больницы.

Территория «Шталага-372» была обследована ЧГК в апреле 1945 года. Были обнаружены 9 рвов глубиной 3 м, длиной по 100 м, шириной 4 м. Вся площадка со рвами занимала территорию 250 на 300 метров. Во рвах были обнаружены останки мужчин, в основном без одежды, обуви, головных уборов, со следами крайнего истощения, следами пулевых ранений.

Тогда было эксгумировано только 650 человек.

Комиссией были обнаружены следы кострищ, где в конце 1943 года, по свидетельствам очевидцев, сжигали трупы перед расформированием «Шталага-372».

По данным ЧГК, общее число погибших в «Шталаге-372» (уничтоженных, умерших от голода, болезней) составило СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК.

«В октябре 1943 года военнопленные вывезены из лагеря в военном городке, на их место перевели гражданское население» (из свидетельских

показаний псковича П. Н. Шляховского, 1897 г. р.). Лагерь на том же месте стал именоваться «Дулагом-376».

Один из концлагерей для военнопленных был организован на территории машинно-тракторной мастерской в Крестах, на восточной окраине Пскова.

Схема лагеря «Кресты» (по состоянию на 1941 год) была составлена во время работы в Пскове ЧГК. На схеме обозначены места размещения пленных, охранной команды, собак охраны, пулеметные вышки, площадь для построений, карцер, столб для казней, «место штабелёвки трупов», кухня, кладбище. Схема условна, реальные размеры лагеря неясны.

Поисковая группа учащихся псковской школы № 13 (руководителем работ в 2008 году была Галина Григорьевна Васина) по воспоминаниям узников и местных жителей составила более подробную схему лагеря в Крестах (на 1944 год). По их выводам, территория лагеря простиралась вдоль Крестовского шоссе почти на километр.

В лагере одновременно находились до 8 тысяч пленных. Каждый день, по свидетельствам очевидцев, в лагере умирало 80-150 человек. Трупы увозили в Пески.

Зимой 1941-42 гг. в Крестах были сожжены два барака с живыми тифозными больными.

Зимой 1942-1943 гг. трупы из лагеря не увозили, а спускали под лед водоема на территории лагеря. Когда лед растаял, водоем, заполненный трупами, засыпали землей. Потом на этом месте построили еще один барак.

Узники лагеря в Крестах в большинстве своем умирали от голода. Кормили иногда раз в два дня, баландой из гнилых овощей. Тех, кто посильнее, использовали на работах. Все дневное время, независимо от погоды, пленные проводили под открытым небом. На ночь загонялись в бараки. Бараки (сарай) были без отопления, с земляными полами и нарами в три яруса.

Лагерь для военнопленных в Крестах был ликвидирован в январе 1944 года, до февраля 1944 года территория использовалась в качестве лагеря для гражданского населения.

В самом начале оккупации в июле 1941 года на юго-восточной окраине Пскова в урочище Пески был оборудован концентрационный лагерь для военнопленных. Площадка 600 на 800 м (данные ЧГК) была обнесена двумя рядами колючей проволоки. В первый год оккупации в Песках находилось 50-60 тысяч пленных (свидетельство псковички Е. П. Кузьминой).

К лагерю в Песках была проведена железнодорожная ветка от железнодорожного узла. Зимой 1941-42 годов, по воспоминаниям жителей района, на ст. Псков прибыл эшелон с пленными. Эшелон отогнали на запасные пути, где он простоял несколько суток при двадцатиградусном морозе. Двери вагонов не открывали. Перед погрузкой у пленных были отобраны верхняя одежда, еда, вода. Когда открыли вагоны, выяснилось, что почти все пленные замерзли – около 700 человек. Их свалили в траншеи рядом с железнодорожным полотном и тела сожгли. Немногих выживших увезли в Пески.

Псковичка Л. В. Анисимова свидетельствовала: «Кормили [их] супом из картофельной шелухи, иногда бросали кошек и галок. Хлеба давали менее ста граммов в сутки и нерегулярно. Люди массами гибли от истощения».

Зимой 1942 года в Песках, как и в Крестах, был сожжен барак с живыми пленными, заболевшими тифом (по свидетельству псковича Ф. И. Яснова).

В конце 1943 года лагерь был расформирован, немногочисленных заключенных перевели в лагерь в военном городке.

Исследования на территории лагеря в Песках проводились в 1944–45 гг., 1953 г., 1966 г. Были вскрыты 9 ям-могил (так в акте), заполненных трупами (две – размером каждая 7 х 12 х 5 метров, семь – размером каждая 6 х 30 х 5 метров).

На основании исследования эксгумированных трупов, измерения обнаруженных ям-могил и показаний свидетелей и других данных ЧГК

установила, что общее количество истребленных советских военнопленных «в районе «Пески» определяется не менее 50 тысяч человек» (из них не менее 40 тысяч погибли от голода и холода).

Обнаружено было и место расстрелов – небольшой песчаный холм высотой до двух метров.

Были найдены личные вещи военнопленных, записки в медальонах с именами:

- Василий Макарович Чепурной, 1914 г. р., Черниговская область, Понорницкий район, д. Авдеевка;

- Ф. П. Иванов, 1913 г.р., Калининская обл., г. Лихославль, п/о Золотиха, д. Кожниха;

- Фёдор Нестерович Шатунов, красноармеец, 1902 г.р., Курская обл., Львовский район, Городнянский с/с.

На левом берегу реки Великой в районе колхозной поликлиники и бывшей губернской (первой Советской) больницы располагался т. н. «лазарет» для военнопленных, по существу – концлагерь. Этот лагерь занимал большой квартал, протянувшийся вдоль реки от церкви Климента до улицы Р. Люксембург и до улицы Интернациональной (ныне М. Горького).

По данным ЧГК, здесь одновременно содержалось до тысячи человек. Смертность в день составляла 20 человек на 100, т. е. состав «госпиталя» обновлялся каждые пять дней.

Бывший военнопленный «госпиталя» сержант Иван Григорьевич Маляренко показывал: «Медикаментов не было никаких. Питание состояло из 150 граммов хлеба с примесью древесных опилок и пол-литра жидких щей или баланды».

Вшивость, болезни (сыпной тиф, дизентерия, простудные заболевания), холод – характерные признаки того «лазарета».

Сначала умерших хоронили в самом «лазарете» на больничном дворе, потом – у школы № 7, а также на Мироносицком кладбище.

Территория «лазарета» была обследована в марте 1945 года. У т. н. барака № 45 были вскрыты 4 ямы-могилы, с общим числом захороненных 3200 человек. Возле здания бывшей колхозной поликлиники были обнаружены 9 ровов. Каждый ров глубиной 4 м, длиной 35 м, шириной 2 м. Срок формирования захоронения примерно 3 года. Обнаружены останки 12-15 тысяч человек – это мужчины, женщины, дети, подростки, т. е. не только военнопленные, но и гражданское население [3].

Из показаний бывшего сторожа Мироносицкого кладбища А. А. Егоровой (от 8 марта 1945 года): «Ежедневно привозили трупы советских военнопленных из лагерей 1-я советская больница и военный городок (в день по 18-24 человека). Могилы для захоронения рыли тоже военнопленные под охраной» (стилистика сохранена – Авт.)

Могилы представляли собой рвы. Всего на Мироносицком кладбище было похоронено около 16 тысяч человек. Особенно много погибло в 1942 году от голода и болезней.

Цифра погребенных на территории «лазарета», по данным ЧГК, составила 34200 человек.

Чрезвычайная государственная комиссия обозначила и другие места содержания военнопленных в Пскове и окрестностях: Промежицы (в помещении овощехранилища), около кожевенного завода «Пролетарий», в церквях Василия на Горке, Константина и Елены, на территории совхоза «Диктатура». Но исследования этих мест не проводились.

По данным ЧГК, приблизительное число военнопленных, погибших на территории Пскова в концентрационных лагерях, составляет 223 700 человек.

«Строительство зданий и сооружений на этой территории запрещается»

В Пскове на местах истребления советских военнопленных в разные годы все-таки были установлены памятные знаки. Надо заметить, стоят они не на самих захоронениях. Уже давно на многих местах, где были захоронения, стоят дома, проходят дороги.

Дело в том, что в 1944-45 гг. комиссия вскрывала рвы, подсчитывалось количество захороненных в каждом, определялось количество рвов, а дальше шло арифметическое действие – умножение. Обнаруженные останки тогда не перезахоранивали. Никаких охранных зон в местах массовых захоронений не было сформировано ни тогда, ни сейчас.

Только в 2008 году Псковский археологический центр поднял вопрос об определении охранных зон, связанных с массовыми захоронениями XX века на территории Пскова и окрестностей. Очень быстро, но при этом очень качественно, был составлен такой проект охранных зон. Он обсуждался общественностью, но не властью. Власти этим проектом не заинтересовались [4].

А между тем именно отказ от этого проекта принес проблему с домами на улице Юбилейной [5], неизбежно будут и еще проблемы, так как Псков действительно стоит на костях, только надо помнить, что это кости защитников Отечества. И, глядя на варварское к ним отношение в Пскове – в Городе Воинской Славы – мне становится стыдно за то, что городу это звание присвоили. Псков его не заслужил таким варварским отношением к павшим за Родину. Если бы высокой комиссии по присвоению этого звания доложили о стройке на массовом захоронении, да еще и показали бы это место, то вряд ли когда-нибудь Псков был удостоен почетного звания.

А теперь можно пытаться делать «красивую мину», закрыть забором знак на месте «Шталага-372». Нет памятника – нет проблем. Можно произносить красивые патриотические речи. Не могу удержаться и не процитировать главу города Пскова И. Н. Цецерского: «Сегодня мы отдаем дань уважения тем, кто сложил свои головы в те суровые годы Великой Отечественной войны. Мы сегодня должны бережно относиться к захоронениям и памяти наших воинов... Еще 2 года назад мы подняли эту проблему и остановили стройку на ул. Юбилейной, чтобы предать земле должным образом тех, кто был замучен в концлагере».

Эта речь прозвучала на перезахоронении останков 295 военнопленных из «Шталага-372» в Пески 30 сентября 2010 года. Редчайший цинизм. Божьего суда не боитесь? Предали земле достойно не более 495 человек из 75 тысяч. И это называется – достойно?

Господину И. Н. Цецерскому вторит губернатор А. А. Турчак: «По информации, которая у нас есть и от застройщика, и от администрации города Пскова, этот вопрос решен, останки перезахоронены» [6]. То есть фактически дана отмашка на продолжение строительства.

Всем желающим продолжения строительства рекомендую заглянуть в Закон РФ «О погребении и похоронном деле» № 8-ФЗ от 12 января 1996 года, в п. 6 ст. 16 которого записано: «Использование территории места погребения разрешается по истечении двадцати лет с момента его переноса. Территория места погребения в этих случаях может быть использована только под зеленые насаждения. Строительство зданий и сооружений на этой территории запрещается».

Эта норма имеет не только этическую основу, но также и необходимость охраны здоровья людей: известно, что в домах, построенных на местах массовых захоронений, выше и заболеваемость, и смертность.

«Эшелоны с военнопленными ставились «вымораживаться» на путях между станциями Псков-1 и Псков-2»

Что со всем этим делать?

Где и как должны фиксироваться подобные перезахоронения? В Псковский объединенный военкомат города и района, который ведет документальный учет воинских захоронений в Пскове и Псковском районе, вообще не поступают акты о перезахоронении.

В процессе переноса останков погибших на место последнего (?) упокоения – полная анархия. Одним надо быстренько перезахоронить в суете обнаруженные останки, кого не успеют перенести, то закопают на месте стройки, имен нет, спросить некому, но, главное, процесс патриотического воспитания идет. Не передаются в областной музей-заповедник, как это было

установлено еще в практике работы ЧГК, обнаруженные находки. Расходятся по рукам, увозятся. Пройдет несколько десятков лет – и...

В 1993 году мне довелось участвовать в работах по эксгумации останков, предположительно, военнопленных, обнаруженных в декабре 1992 года на территории объединения «Псковкоопстрой» (ул. Средняя, 16).

Под новое строительство на территории объединения был вырыт котлован. Вырытую землю оставили рядом. Когда сошел снег и земля оттаяла, то стало видно, что в земле много костей.

В июне 1993 года была создана комиссия по исследованию обнаруженных останков, чтобы исследовать останки, определить время и обстоятельства их появления на окраине Пскова, недалеко от ст. Псков–2, в 50-70 метрах от железнодорожной ветки.

В состав комиссии вошли представители горвоенкомата, общества по охране памятников, городского комитета по культуре, Псковского музея-заповедника, Псковского бюро судмедэкспертизы. В исследовании отвала принимали участие воины 76-й десантно-штурмовой дивизии. Без их кропотливой работы не удалось бы так тщательно перебрать всю гору земли.

Исследование извлеченных из земли останков проводил заместитель начальника псковского бюро судебно-медицинской экспертизы В. П. Николаев.

Из отчета В. П. Николаева: «Представленные костные останки могут находиться в земле с периода Великой Отечественной войны. Основная масса черепов принадлежит мужчинам в возрасте до 40 лет. На костных останках отсутствуют признаки механического воздействия. Костные останки принадлежат не менее чем 89 скелетам».

Были обнаружены фрагменты солдатских брючных ремней, обуви, солдатские ложки, кружки, химические карандаши, пуговицы, колючая проволока. Судя по этим немногочисленным находкам – это воинское захоронение бойцов Красной Армии.

Пролить свет на происхождение этого захоронения помогли материалы Государственной чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний фашистов на Псковщине, которые находятся в Государственном архиве Псковской области.

По показаниям свидетелей, «зимой 1941-1942 гг. и 1942-1943 гг. в Псков неоднократно прибывали «эшелоны смерти», направленные из-под Старой Руссы и других станций Ленинградского направления.

Эшелоны с военнопленными ставились «вымораживаться» на путях между станциями Псков-1 и Псков-2. Затем умерших от голода и холода сбрасывали у железной дороги...».

Из других показаний следует, что в декабре 1941 года у железной дороги было сброшено около 400 тел, а в январе 1942 года – около 1500 тел. По данным ЧГК, только таким способом в Пскове было умерщвлено около 12 тысяч военнопленных. Военнопленные были раздеты и разуты – об этом свидетельствуют немногочисленные находки обнаруженных элементов одежды и обуви.

Среди находок – пять солдатских пластмассовых медальонов, три – пустые, а в двух – записки с именами. Как правило, захоронения подобного рода не содержат именной информации, поэтому эти две записки – просто чудо.

В первой записке были данные о Степане Дмитриевиче Завьялове, 1905 года рождения, рядовом. Место рождения: Пензенская область, Терновский район, с. Терновка. Призван Терновским РВК. Жена: Завьялова Анастасия Николаевна, проживает в д. Терновка.

В базе данных «Мемориал» в документе, составленном в январе 1946 года Терновским РВК для управления по учету потерь рядового и сержантского состава, есть дополнительные данные о С. Д. Завьялове: призван в 1941 году, пропал без вести (год не указан).

Во второй записке сведения о С. П. (?) Уварове из Саратовской области (ст. Родничек Дуплятского сельсовета х. Конный). Приписка: «Получить Уваровой Анне Ефимовне».

Найти С. П. Уварова в базе данных оказалось непросто. В упомянутой базе «Мемориал» есть сведения о ровно тысяче Уваровых. Нашелся среди них рядовой Семен Петрович Уваров, 1908 года рождения, уроженец с. Рассказань Саратовской области, Родничковского района, призван в августе 1941 года Романовским РВК. Но в документе названа жена Прасковья Емельяновна Уварова (проживала в с. Б. Карай Романовского района Саратовской области). Не стыкуются эти дополнительные сведения, хотя, может быть, Анна Ефимовна Уварова не жена, а мама. С. П. Уваров пропал без вести в январе 1942 года.

В 1993 году я посылала запросы в областные военкоматы Пензенской и Саратовской областей, но ответов не было.

Медальоны и предметы, обнаруженные в ходе работ на захоронении, по решению комиссии были переданы в Псковский музей-заповедник.

В заключительном акте комиссии от 25 июня 1993 года указывалось, что:

«- при проведении дальнейших земляных работ на территории «Псковкоопстроя» и прилегающей к нему зоны необходимы дальнейшие обязательные исследования, т. к. возможны подобные захоронения в других местах;

- необходимо место захоронения советских военнопленных взять на учет, как вновь выявленный памятник истории, определить его охранную зону, произвести перезахоронение останков;

- на месте захоронения установить памятный знак с текстом и осуществить благоустройство».

Вроде все было сделано правильно: комиссия создана, эксгумация проведена квалифицированно, составлен акт и сделаны правильные выводы.

В результате останки 89 военнопленных перезахоронены в Песках, рядом с обелиском на месте лагеря. На этой новой могиле была положена мемориальная плита с указанием числа перезахороненных. Но на месте обнаружения останков никакого обозначения нет.

Установилась практика перезахоронения любых вновь обнаруженных на территории Пскова останков военного времени в Пески. Теперь в Песках уже несколько подзахоронений, но ни на одной плите даже не указано, откуда произведено перезахоронение, фиксируется только цифра. Это что же, чем больше перезахороним, тем лучше? Даешь как можно больше перезахороненных?

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25						
Personalkarte I: Personelle Angaben														Pleskau																
Kriegsgefangenen-Stammlager: 515 Stalag 372														Beschreibung der Erkennungsmarke																
Name: Макаренко Макаревич														Dienstgrad: лейтенант																
Vorname: Алексей														Gruppenenteil: Гранатверф																
Geburtsort: 24.2.13 Сенная (Смоленская обл.)														Zivilberuf: Инженер																
Religion: Orth														Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates): 11111111																
Vorname des Vaters: Иван Д. Сенин														Gefangenahme (Ort und Datum): 12.11.41 Невская - дубрава																
Familienname der Mutter: Еремеев														Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert: gesund																
Des Kriegsgefangenen	Lichtbild										Nähere Personalbeschreibung																			
	44-Вн										Größe: 1,55					Haarfarbe: Bl.					Besondere Kennzeichen:									
	Умер 26.9.42										Fingerabdruck des rechten! Zeigefingers					Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen														
											ledig																			
											Onkel - Ясаченко Иван Петрович Adresse: Sieh oben, nur das Dorf Ausmitich.																			
										Wenden!																				
										† Verstorben am 26.11.42. Diagnose: Гастрит атонич. Д-р Усаченко Иван Петрович Смоленская обл. Еремеевский р-н Д. Козьмино Lagerarzt																				
										Zentralfingerring:																				
										Beschreibung der Erkennungsmarke Str. Lager: Name:																				

Учетная карточка военнопленного. Макаренко Алексей Иванович 24.02.1913. Место рождения: Смоленская обл., Ершичский р-н, дер. Сенная. Последнее место службы: 941 минометный полк. Воинское звание: лейтенант. Дата пленения: 12.11.1941. Место

пленения: Невская Дубровка. Лагерь: «Шталаг 372» (Псков). Погиб в плену. Дата смерти: 26.09.1942. Место смерти: Псков. Источник: ОБД «Мемориал».

Я считаю подобную практику порочной, что и показало перезахоронение найденных на территории «Шталага-372» останков военнопленных на мемориальном кладбище в Песках. Уже дважды – в 2006 и 2010 годах – состоялось перенесение в Пески обнаруженных в ходе строительных работ на территории концлагеря «Шталаг-372» останков (в целом не более 495 человек).

Между тем, на территории «Шталага-372» есть мемориальный знак, установленный еще в 1995 году, когда территория была освобождена от военных складов. Перезахоронение необходимо было провести именно возле него, на уже существующем месте поминовения. Я уже не говорю о том, что само строительство на территории концлагеря с массовыми захоронениями – это не просто вандализм, это – преступление.

Застройка мест расположения концлагерей «Шталаг-372» и «Дулаг-376», начавшаяся в 2006 году, велась на территории, заведомо известной и застройщику, и чиновникам, которые давали на нее разрешение, как территории с массовыми захоронениями военного времени. Застройщик (тот самый позже обанкротившийся «Ремстрой-2») официально внес в государственный комитет Псковской области по культуре предложение о... сносе памятника на месте захоронения либо его переносе на большое расстояние от новых домов, «чтобы жильцы, выходя из подъездов, не видели эту неприятную надпись-напоминание». Запрос был переправлен в военкомат по Пскову и Псковскому району.

Консультантом «Ремстроя-2» по ликвидации памятного знака на месте массовых захоронений выступил искусствовед Игорь Иванович Лагунин.

Военный комиссар Пскова и Псковского района Сергей Головачев отказал в ходатайстве.

Точно зная и о Законе, и о первых найденных останках военнопленных, застройщик тщательно скрывал факт вывоза останков на свалку в Ваулины горы.

Частичные раскопки на месте «Шталага-372» были произведены только в 2010 году, под давлением общества, и прекращены решением застройщика, прекратившего работы волонтеристским путем [7].

Сейчас, в 2011 году, на территории «Шталага-372» и «Дулага-376» планируется строительство еще нескольких жилых домов, теперь уже петербургской компанией ЦЭОН, пришедшей на смену «Ремстрою-2».

Псковские областные и городские чиновники не просто покрывают незаконное строительство, но всячески его поддерживают.

И 5 мая 2011 года две внучки погибших в «Шталаге-372» солдат возложили цветы к бетонным блокам в основании фундамента нового строящегося дома на улице Юбилейной в Пскове [8].

Во всем цивилизованном мире территория мест массовых захоронений является исключительно мемориальной зоной, на которой не просто запрещено какое бы то ни было строительство, но размещены музеи, посещение которых является обязательной частью воспитания общества: чтобы такое никогда не могло повториться.

В России, судя по всему, до сих пор возможно всё, что угодно.

+ + +

Господа чиновники! А если там, под этими домами, лежат сейчас ваши деды и прадеды, останки которых раздавлены бетонными плитами?

Или вам наплевать и на них?

Марина САФРОНОВА, старший научный сотрудник исторического отдела Псковского государственного музея-заповедника, специально для «Псковской губернии»

1. См.: К. Обозный. [Преданы и забыты](#) // «ПГ», № 24 (495) от 23-29 июня 2010 г.
2. Новая военная доктрина СССР, разработанная Михаилом Тухачевским, предполагала ведение вооруженных действий на территории противника с небольшими потерями и незначительным количеством военнопленных с советской стороны.
3. См.: Е. Ширяева. [Живые и мертвые](#) // «ПГ», № 19 (388) от 14-20 мая 2008 г.;
4. См.: Е. Ширяева. [Город мёртвых](#) // «ПГ», № 37 (406) от 17-23 сентября 2008 г.
5. См. подробно: См.: М. Киселев. [На псковских могилах не ставят крестов](#) // «ПГ», № 33 (302) от 30 августа – 5 сентября 2006 г.; А. Старков. [Дважды убитые](#) // № 24 (495) от 23-29 июня 2010 г.; Редакция. [Хоронить нельзя строить](#) // «ПГ», № 27 (498) от 14-20 июля 2010 г.; Л. Шлосберг. [Главное – достроить дом?](#) // «ПГ», № 34 (505) от 1-7 сентября 2010 г.; Л. Шлосберг. [Пески забвенья](#) // «ПГ», № 18 (540) от 11-17 мая 2011 г.; Л. Шлосберг. [Сильнее звука](#) // «ПГ», № 21 (543) от 1-7 июня 2011 г.
6. См.: Л. Шлосберг. [Без кислорода](#) // «ПГ», № 25 (547) от 29 июня – 5 июля 2011 г.
7. См.: А. Старков. [Дважды убитые](#) // № 24 (495) от 23-29 июня 2010 г.; Редакция. [Хоронить нельзя строить](#) // «ПГ», № 27 (498) от 14-20 июля 2010 г.; Л. Шлосберг. [Главное – достроить дом?](#) // «ПГ», № 34 (505) от 1-7 сентября 2010 г.
8. См.: Л. Шлосберг. [Пески забвенья](#) // «ПГ», № 18 (540) от 11-17 мая 2011 г.